

Филологические науки

УДК 001.2:575.87+930.85

А.А. Бражников

Бражников Александр Асланович, студент 4 курса бакалавриата группы КТ-18 факультета дизайна, изобразительных искусств и гуманитарного образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: alexandro_brazha@mail.ru

Научный руководитель: **Перова Елена Анатольевна**, филолог, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: enja10@mail.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Настоящая работа посвящена исследованию различных методологических подходов к проблеме возникновения человеческого языка. Автор раскрывает основные положения биоэволюционной концепции, подчеркивая необходимость ее рассмотрения в контексте культурной эволюции, и констатирует необходимость синтеза наработок в области естественно-научного и социально-гуманитарного знания для создания единой эволюционной теории происхождения языка.

Ключевые слова: человеческий язык, биологическая эволюция, культурная эволюция, глоттогенез.

A.A. Brazhnikov

Brazhnikov Alexandr Aslanovich, student of 4nd course of baccalaureate of KT-18 group of faculty of design, fine arts and humanitarian education of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: alexandro_brazha@mail.ru

Research supervisor: **Perova Elena Anatolyevna**, philologist, assistant professor of department of Russian and foreign languages and literature of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), e-mail: enja10@mail.ru

ORIGIN OF LANGUAGE AS AN INTERDISCIPLINARY PROBLEM IN THE DISCOURSE OF MODERN SCIENCE

This work is devoted to the study of various methodological approaches to the problem of the emergence of human language. The author reveals the main provisions of the bioevolutionary concept, emphasizing the need to consider it in the context of cultural evolution and states the need to synthesize developments in the field of natural science and social and humanitarian knowledge in order to create a unified evolutionary theory of the origin of the language.

Key words: human language, biological evolution, cultural evolution, glotogenesis.

Проблема происхождения языка волновала умы людей с древнейших времен, и уже тогда рамках в античной натурфилософии оформилась первая эволюционная теория языка; она получила «второе рождение» в эпоху становления новоевропейской науки. Позднее, в период философского рационализма, развилось несколько представлений о возникновении речи, которые легли в основу трех основных «гуманитарных» теорий о происхождении языка: междометийная (самым известным ее сторонником был Жан-Жак Руссо), звукоподражательная (Хейман Штейнталь) и трудовая

(Людвиг Нуаре). Однако несмотря на возросший в то же время интерес к проблемам эволюции, эволюционной теории глоттогенеза, главным образом по причине отсутствия палеоантропологического материала, до недавнего времени построено не было. Вместе с тем сегодня наиболее перспективным является эволюционистский подход к проблеме глоттогонии, который, по нашему мнению, невозможно рассматривать вне трудовой теории, а значит, и в отрыве от культуры – как процесса и результата трудовой деятельности человека.

Актуальность обращения к данному вопросу с точки зрения культурологии обуславливается еще и тем фактом, что в настоящее время все более возрастает интерес к интернализации в систему социально-гуманитарного знания полученных с начала XXI века данных из области эволюционной биологии и антропологии, которые дают фундаментальное представление о генезисе социально-культурных явлений. Так, в статье [1] мы уже обозначили одно из наиболее перспективных в этом смысле направлений – актуальность развития нейрокультурологии как области особого междисциплинарного научного дискурса.

Наибольший интерес в рамках эволюционистской концепции происхождения языка, основанной на данных естественных наук, и в первую очередь антропологии, с нашей точки зрения, представляют адаптационная теория Стивена Пинкера и мутационная теория Ноама Хомского. Их альтернативой можно считать существующую в неodarвинизме теорию культурных репликаторов (также известную как «меметика»), которая представляет языки в качестве популяции «интеллектуальных вирусов», развивающихся в соответствии с дарвиновской теорией эволюции и естественного отбора [6, р. 13–27]. Автором этих идей является английский эволюционный биолог Ричард Докинз, однако их обсуждение, на наш взгляд, сводится к тому факту, что вне зависимости от принятия или неприятия, они не дают действительного ответа на вопрос о времени, предпосылках и

причинах возникновения у представления рода *Homo* вербального способа общения.

В рамках современной научной парадигмы наиболее вероятным представляется, что человеческий язык эволюционировал от отправной точки коммуникативных систем животных, обеспечивших первоначальный семиотический базис коммуникации через жестовый «язык» приматов к собственно человеческим способам общения. Это дает основания полагать, что человеческий язык прошел следующие основные этапы своего становления: 1) жестикуляция; 2) устная речь; 3) письменный язык. Заметим, что никаких сведений о жестовом «языке» у древних гоминид по понятным причинам не сохранилось, а потому данная стадия является полностью гипотетическим построением, хотя в пользу нее явно свидетельствуют данные приматологии. Что же касается устного языка, то за его развитием мы можем следить, исходя из палеоантропологических и этноантропологических исследований.

С точки зрения анатомического строения в теле человека существуют многочисленные «приспособления» для производства и восприятия членораздельной речи, в числе которых основными являются гортань и подъязычная кость, причем обе они у *Homo sapiens* (вернее, человека современного антропологического типа) расположены ниже, чем у всех других современных приматов. Низкое положение гортани позволяет отчетливо произносить отдельные звуки, что собственно и является основой возникновения членораздельной речи; при этом низкое расположение подъязычной кости значительно расширяет спектр возможных движений глотки, гортани и языка относительно друг друга.

Поскольку гортань состоит лишь из мягких тканей, палеоантропологических свидетельств о ее расположении у ископаемых видов человека по понятным причинам добыть невозможно. Иначе обстоит дело с подъязычной костью. Хотя исследователи располагают лишь немногими ее образцами, эти находки имеют важнейшее значение для

представления об эволюции голосового аппарата у древних Номо. Так, получившие широкую известность подъязычная кость неандертальца из Израиля и найденная в Испании подъязычная кость гейдельбергского человека анатомически отличаются друг от друга, показывая видовое различие *Homo neanderthalensis* и *Homo heidelbergensis*, но при этом обе они однозначно сходны с подъязычной костью современного человека и в то же время явно отличаются по расположению и строению от подъязычной кости у других современных приматов. Это дает все основания полагать, что у названных ископаемых видов людей уже существовала полная анатомическая возможность к речевой коммуникации [2]. Напротив, исследованная подъязычная кость афарского австралопитека оказалась такой же, как у шимпанзе.

Итак, что же привело к изменению голосового аппарата у древних Номо, и когда эти изменения произошли? На первый вопрос в современной антропологической науке существует два ответа: предполагается, что это было вызвано случайной генетической мутацией [9]; или возможность говорения появилась в результате ряда эволюционных адаптаций. Основоположником «мутационной теории» является Ноам Хомский, и в настоящее время у нее насчитывается много сторонников. В начале XXI века был получен ряд данных, позволивших связать возникновение языка у человека с двумя мутациями в гене FOXP2 на 7-й хромосоме, в результате которых белок FOXP2 человека отличается от белка FOXP2 шимпанзе и других приматов заменой двух аминокислот: треонина на аспарагин в 303-й позиции и аспарагина на серин в 325-й позиции [8]. Примечательно, что эти замены имели место и у неандертальца.

В то же время теория эволюционных адаптаций (вернее, преадаптаций) заслуженно пользуется все большей популярностью. Палеоантропологические и палеоклиматологические исследования эволюции человека в плейстоценовую эпоху дали основания полагать, что различные биологические преадаптации к разговорной речи берут свое начало в

прибрежном прошлом Ното. Ныряние с задержкой дыхания для добывания морепродуктов и всасывающее питание моллюсками объясняет, почему у людей, в отличие от других гоминидов, подъязычная кость опустилась в глотку. Независимые археологические, палеоэкологические, изотопные и др. исследования показывают, что раннеплейстоценовые люди действительно расселялись между континентами вдоль берегов Индийского океана и даже достигли заморских островов, таких как Флорес, где они регулярно ныряли в поисках прибрежной пищи, такой как ракушки и раки [7]. Ныряние за морепродуктами требует контроля дыхательных путей, что является предпосылкой разговорной речи, а всасывающее питание морепродуктами означает тонкий контроль орального аппарата, что, по-видимому, стало еще одной преадаптацией к возможности появления человеческой речи, особенно важной для производства согласных звуков [10].

Еще одной крайне важной стороной проблемы языка является вопрос о том, отличается ли функционально речевая коммуникация человека от коммуникативных систем других живых существ. Наиболее распространенная точка зрения гласит, что развитие мыслительных процессов и, в частности, абстрагирования и символизации, способствовало оформлению человеческого языка в качестве особого, наиболее развитого способа коммуникации, однако исследования супругов Гарднеров убедительно показали, что эта способность вовсе не является уникальной [3]. Аллан и Беатрис Гарднеры установили, что шимпанзе, несмотря на неспособность по анатомическим причинам производить членораздельную речь, обучившись азбуке жестов, могут использовать знаки-символы в качестве средства общения с экспериментаторами и другими шимпанзе, а также могут оперировать абстрактными понятиями человеческих языков.

Подобные исследования часто подвергаются критике в связи с тем, что обезьяны обучаются языку не в естественных условиях, а лишь в человеческом обществе, при непосредственном воздействии исследователей с целью их обучения. Но нам представляется, с одной стороны, вполне

логичным, что в диких условиях обезьяны не станут обучаться человеческому языку, даже если повстречаются с человеком. Здесь следует вспомнить феномен детей-маугли: не обладая языковыми навыками, при встрече с цивилизованными людьми они отнюдь не сразу начинали пользоваться их грамматикой; некоторые и вовсе не могли освоить ее. С другой стороны, исследования показали (наиболее известным примером стал бонобо Канзи), что обезьяны способны обучаться человеческому языку без направленного на них обучающего воздействия со стороны человека.

Следует отметить, что ввиду «провала в понимании» между языком людей и коммуникативными системами других живых организмов представляется крайне затруднительным сопоставление их по функциональному признаку. Во всяком случае можно с определенной уверенностью сказать, что человеческий язык при всей сложности его организации не столь уникален, как это было принято считать ранее. Единственной, не поддающейся сомнению его уникальной особенностью является наличие письменной формы, которая стала возможной благодаря развитию мелкой моторики человеческой руки. Следует отметить, что роль руки в становлении человека разумного была обозначена Фридрихом Энгельсом в известном сочинении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [5, с. 488–489], а также в той или иной форме еще в работах античных философов.

Напомним, что на первой стадии своего существования язык представителей рода *Номо*, скорее всего, имел жестовую форму, звуки же могли использоваться (в силу анатомических особенностей) лишь в качестве эмоционального дополнения; однако в ходе эволюции, с появлением палеолитической культуры, по-видимому, произошел процесс замещения: изготовление орудий труда требовало ручной работы, так что передние конечности были заняты, и гораздо более удобным оказалось звуковое общение, возможность которого была уже обеспечена к этому времени описанными выше мутациями и преадаптациями. Позднее руки древнего

человека развились настолько, что для него стало возможным создавать наскальную живопись, со временем эволюционировавшую в петроглифы, пиктограммы и, наконец, полноценную письменность. Здесь, как можно заметить, прослеживаются основные положения трудовой теории, которая, однако, в данном случае нисколько не противоречит эволюционной, а дополняет ее, отражая процесс коэволюции биологического тела человека и его культуры [4, с. 5–6].

Таким образом, именно благодаря развитию культуры у древних Homo появилась необходимость в переходе от жестового языка к речевому, хотя сама возможность такого перехода была обеспечена биологической эволюцией; также в результате культурной эволюции человек овладел принципиально новой коммуникативной формой – письменным языком. При проведении исследований отправной точкой, на наш взгляд, должно служить представление о коэволюции тела, генома человека и его культуры. Мы считаем необходимым объединение естественно-научного и социально-гуманитарного направлений исследований в единый научный дискурс как диалектически взаимообусловленное методологическое решение комплекса исследовательских задач, неизбежно возникающих при попытке поиска ответа на вопрос о происхождении и развитии когнитивных функций человека – языка и мышления, а также результатов его культуротворческой деятельности.

Список используемой литературы:

1. *Бражников, А. А.* Нейрокультурология: актуальность развития новой интердисциплинарной области знания / А. А. Бражников // Студенческая наука, искусство, творчество: от идеи к результату: сб. материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 9 апреля 2021 год) / ред. Кол.: С. С. Зенгин, Н. А. Гангур, И. А. Герасимов [и др.]. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2021. – С. 61–67.

2. Бурлак, С. Время появления звучащей речи по данным антропологии / С. Бурлак // Вестник МГУ. Серия XXIII: Антропология. – 2012. – № 3.
3. Крушинская, Н. Л. Характерные черты условнорефлекторной деятельности дельфинов / Н. Л. Крушинская, Т. Ю. Лисицына // Этология.ру: [сайт]. URL: <http://ethology.ru/library/?id=180> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Фаликман, М. В. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта / М. В. Фаликман, М. Коул // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – № 3. – С. 4–18.
5. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. – Т. 20. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – С. 486–499.
6. Dawkins R. Viruses of the mind / R. Dawkins // Dennett and his Critics: Demystifying Mind. / Dahlbom B. (ed.). – Oxford : Blackwell, 1993. – 256 p.
7. Joordens J. et al. Homo erectus at Trinil on Java used shells for tool production and engraving // Nature. – 2015. – № 518. – P. 228–231.
8. Nudel, R. FOXP2 / R. Nudel, D.F. Newbury // Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science. – 2013. – № 4(5). – P. 547–560.
9. Progovac L. Review: Why only us? Language and evolution by Robert C. Berwick and Noam Chomsky // Language. 2016. № 92(4). P. 992–996.
10. Verhaegen, M. Possible preadaptations to speech – a preliminary comparative approach / M. Verhaegen, S. Munro // Human Evolution. – 2004. – № 19. – P. 53–70.